веро-западным и русским. Вот между прочим примеры из болгарских народных песен: „Пустите мои две тъги, я да станете две мьгли че се високо двигните". Здесь „две мглы" ясно указывает на значение „два облака".

Перейдем к грамматическим доказательствам. Сказано, что Всеслав „обѣсися синѣ мьглѣ". Подлежащее здесь Всеслав. Что сделал он? Он, как сказано, „обесился", т. е. буквально „повесил себя". Где? на чем? На это как раз и отвечает местный падеж, в котором поставлено существительное женского рода — „мгла": „синѣ мьглѣ". Решению нашему помогут другие примеры, где трудно, мне кажется, не признать по существу аналогичной конструкции, хотя, ввиду того, что речь идет на сей раз о предмете одушевленном, о лице, приходится говорить, что существительное женского рода, связанное как дополнение с глаголом „обѣсися", на сей раз стоит в дательном лица — „Фекле"; „Труфена обѣсьшися Фекле" — текст, приводимый Срезневским к слову „обеситися", означает „Труфена обняла Феклу", а не „обнятая Феклой". И другой пример: „Александр обесися ей на распутии" — точно так же означает, что Александр обнял, а не его обняли; буквально говоря — „Александр повиснул на ее шее".

Мне кажется, что лексически и грамматически фразу „(Всеслав) обѣсися синѣ мьглѣ" можно переводить только так: „обнял синее облако" или „повиснул на синем облаке".

Но мало этого! Здесь на поддержку именно такого прочтения выступает и единый смысл образа Всеслава-колдуна, Всеслава-волшебника.

Вряд ли кто станет оспаривать, что быстрота передвижений Всеслава достаточно ярко означена в „Слове о полку Игореве". Быстротой своего исчезновения в канун битвы он поразил современников. Вот ночью он еще в Белгороде (близ Киева), а на утро он уже „отвори врата Новуграду", а дальше он уже и на Немиге, куда скакнул не иначе как-либо, а „волком" (оборотничество, мифологический элемент образа!). Да и далее этот момент сказочной быстроты Всеслава особо подчеркивается: он до петухов успевал „дорискати" до Тмуторакани.

Вот почему и надо принять, что колдун Всеслав совершил свой перелет от Киева до Новгорода на „мьгле", т. е. на облаке, на этом излюбленном, так сказать, „ковре-самолете" древнерусских волшебников, да и не только волшебников, а и всех существ, обладающих „сверхъестественными" силами.

Здесь нельзя не сопоставить с полетом на облаке князя Всеслава такой же самый полет Исайи Ростовского. Памятник этот относят к XII веку, т. е. к веку „Слова о полку Игореве". И с этим обстоятельством нельзя не посчитаться!

В житии Исайи Ростовского рассказано, как киевский митрополит Иоанн должен был безотлагательно святить церковь в Печерском монастыре — „заутра в 14 день августа". А никого из иногородних епископов не было с ним, чтобы участвовать с ним в этом освящении. Киевский митрополит скорбел об этом. Тогда к епископу Исайе, жившему в Ростове, „внезапу уноша страшен предста во одежде светлей и глагола ему: «заутра в 14 день августа свящается церкви монастыря Печерского, и митрополит вас ради в велицей печали, и да будеши тамо с ним на освещение»".[1] Получив такое грозное приказание, Исайя

[1] Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, Казань, 1858, март, стр. 439—441.